

онъ такъ занятъ... — началъ Ѳеодоръ Игнатьичъ, въ упоръ глядя на Прягина.

— Некогда, дѣйствительно, благодарю васъ! — произнесъ Прягинъ. — Да и не поклонникъ я французскаго...

— Жаль. До свиданія, Никодимъ Павловичъ!

Молодые супруги отправились въ театръ. Имъ было пріятно, что они будутъ въ ложѣ только вдвоемъ. Всю дорогу они болтали и смѣялись. Легкая задумчивость, которая посѣщала Гранковскаго въ послѣдніе дни по поводу его долговъ и нѣкоторой необезпеченности существованія, теперь вдругъ исчезла, благодаря пяти тысячамъ, присланнымъ Раисѣ Николаевнѣ, какъ молодые супруги думали, Варварой Тихоновной. „Расщедрилась!“ — говорилъ онъ себѣ и, обнимая правой рукой жену поверхъ ея бархатной шубки, крѣпко прижималъ къ себѣ тонкій станъ Раисы.

XXIX.

Вскорѣ послѣ этого — въ концѣ той же недѣли — Ѳеодоръ Игнатьичъ долженъ былъ дежурить въ больницѣ. Онъ такъ прощался съ женой, какъ будто собирался въ дальнюю дорогу и хотѣлъ въ власть нацѣловаться. Но какъ онъ ни цѣловалъ Раису, все еще хотѣлось цѣловать ее. Онъ уххалъ на дежурство, проклиная службу, и долго смотрѣлъ назадъ, на чистенькія, прозрачныя окна своего дома, кивая головой, въ полной увѣренности, что Раиса смотритъ на него изъ-за цвѣтовъ и занавѣсокъ.

Вечеромъ пришелъ Никодимъ Павловичъ. Раиса пила чай и приняла гостя въ столовой.

— Вотъ я рада, что вы не забываете насъ, — сказала она съ пріветливой улыбкой. — Ѳеда сегодня, бѣдняжка, на дежурствѣ...

— Ахъ, онъ на дежурствѣ? — спросилъ Прягинъ, потирая красное отъ мороза ухо.

— На дежурствѣ. Онъ такой исправный. Садитесь, пожалуйста, и пейте чай. Миѣ было скучно одной...

Она взяла чайникъ. Никодимъ Павловичъ видѣлъ предъ собою Раису Николаевну, молоденькую изящную даму, въ сѣромъ шерстяномъ платьѣ, отдѣланномъ шелковыми, тоже сѣрыми, лентами. Нарядъ этотъ придавалъ ей солидный видъ. Ея руки потѣднѣли за это время, стали дамскими ручками. Она разливала чай съ большимъ искусствомъ, какъ казалось Прягину. Куда дѣ-